

О ПРАВЕ

«Право», как социальное понятие, неразрывно связано с другим понятием — «собственность», без которого оно вообще не имеет какого-либо смысла. По этой причине, чтобы установить условия, при которых возникло понятие «право», следует установить обстоятельства, при которых появилось понятие «собственность». На первый взгляд может показаться, что «собственность» свойственна человечеству изначально, как следствие способности людей к созданию предметов, не существующих в природе. Но таковые, т.е. орудия труда, первоначально, видимо, никто не воспринимал отдельно от самой персоны человека, понимая их как продолжение его рук, как столь же неотъемлемую принадлежность. Надо полагать, что понятие «собственности» возникло в связи с вытеснением «присваивающего хозяйства» — «производящим», т.е. в связи с появлением скота и посевов злаковых культур. Говоря иначе, когда человечество прибавило к естественной природе другую, созданную его трудом. Тогда и появилось представление об ограничении использования продукта труда только теми, кто участвовал в его создании. Это и было «право».

На наскальных рисунках в горах Южной Африки довольно часты сцены сражений низкорослых ее обитателей (бушменов или их предков) с высокорослыми обитателями из-за скота. Низкорослые охотники к скоту относились, видимо, так же, как диким животным. Но скотоводы, естественно, считали скот своей собственностью и исключали всех других из «права» пользоваться им.

Защита своего скота порождала войну, для которой до того не было причин. Следовательно, «производящее хозяйство» было и первой причиной вражды между группами рядом живущих людей с разными традициями жизнеобеспечивающего хозяйства. Возможно, что со временем набеги на стада скота стали осознанными предприятиями, т.е. стали экономической статьей в хозяйстве охотников-собирателей. Взаимные набеги с целью угона скота были обычными явлениями в Африке южнее Сахары до времени колониального раздела и даже несколько позже. Когда европейцу-

исследователю попадают, тем или иным путем, сведения о таких набегах, он прежде всего обращает внимание на факт угона скота, т.е. на экономический аспект явления. Между тем, если отнестись к сведениям более внимательно, то угон скота окажется далеко не главной причиной набега. Видимо, здесь произошло совмещение двух обстоятельств или пополнение древней традиции новым элементом. Дело в том, что полноправие индивида определялось брачной церемонией, а последняя зависела от участия этого индивида либо в охоте на крупного хищника, — например, леопарда, — или в военном походе.

Ритуальный характер набега на соседей виден из того, что каждый этнос проводит его один раз в году, и в поход идут юноши определенного возраста. Другими словами, это один из последних следов социально-возрастной структуры общества, предшествовавшей разделению общества на кровнородственные группы (роды).

Европейские специалисты по первобытной истории выработали простейшую схему развития человеческого общества: «первобытное стадо → родовой строй → рабовладельческое общество → феодальное общество → капиталистическое общество (+ социалистическое)» и параллельно: «первобытное стадо → кровный род → рабовладельческое государство → феодальная раздробленность → буржуазно-демократическое государство...». Вся эта простая схема развития, по сути дела, построена на извлечениях из работ Л.-Г. Моргана, хотя многие принявшие ее, были противниками теорий Моргана. Моргановская схема выглядела так: «Род — племя — союз племен — нация — государство».

Все эти схемы не учитывают того обстоятельства, что в каждой предыдущей «стадии» нет естественного «зерна», из которого бы вытекала «суть» следующей «стадии» — как развития этого «зерна». Например: из любого представления о «первобытном стаде» никак не следует способность его «подавить» «звериные инстинкты», будто бы свойственные дальним прапредкам людей. Иное дело — система возрастных делений. Она естественно вытекает из природного порядка жизнедеятельности любого живого организма: детство (стадия полной неспособности самостоятельного существования), далее — юность (стадия обучения всем навыкам для участия в жизни взрослых особей), затем — половозрелая стадия, и наконец, стадия старости, для многих видов живых существ скоро заканчивающаяся смертью индивида. Участие разума первобытного предка в закреплении этой естественной схемы жизни — самое минимальное: предки как бы «осознали» неизбежность и «полезность» подобной нормы жизни и деятельности членов своей группы. Далее шло закрепление схемы как обязательной традиции (с, возможно, неосознанным пониманием объективной рациональности использования физических и умственных возможностей членов коллектива). Деление же труда на мужской (охота) и женский (со-

бирательство) — мысленно могли быть основаны на [схожих нашим. — *Ред.*] современных литературных выражениях: «сильный пол» — «слабый пол». Если для зарождения возрастной структуры общества было необходимо только наблюдение (сколько бы оно ни заняло времени) за постоянно существующими явлениями, то для возникновения первичной социальной организации в виде кровнородственного коллектива были необходимы знания по физиологии живых существ — знания, которых тогда не было. Девять месяцев между зачатием и рождением не создавали возможности простого наблюдения последовательности событий.

Видимо, следует полагать, что понятие родства в постоянно сосуществующей группе индивидов возникло одновременно с понятием собственности на урожай с обработанного поля или на скот с охраняемого стада. Следует также полагать, что возрастное деление, как постоянное явление, было осознано очень давно, поскольку сохранившиеся фрагменты системы, где бы они ни наблюдались, отличаются удивительным сходством. Из двух наиболее крупных фрагментов один обнаруживается в Истории галла, написанной эфиопским монахом шестнадцатого века Бахреем, а другой — в кандидатской диссертации нашего современника аспиранта Института этнографии Академии наук СССР Кристофера Киебела Барикуме, представителя небольшого народа огомо [огони. — *Ред.*], живущего в дельте Нигера. Кристофер Барикуме — сын «туземного» священника, сам по профессии — школьный учитель, имел намерение приспособить реально существующую в их этносе возрастную систему для школьного образования. В «цифровом» отношении записи Бахрея и Христофера полностью совпадают: время пребывания в каждой «ступени» возрастной «лестницы» — восемь лет. Эту цифру так или иначе можно обнаружить в «следах» и фрагментах почти во всех сохранившихся материалах многих этносов разной локальности и времени. Самое ценное в материалах Кристофера Барикуме — то, что сообщает сведения, которых в «неживых» записях просто нет: «Дети живут с родителями до четырех лет, после чего их связь с родителями прекращается. Они становятся «детьми деревни», т.е. составляют общий детский фонд. Живут отдельно от семей (до восьми лет оба пола вместе, дальше — отдельно). Из достигших восьмилетнего возраста формируют новую возрастную группу».

Таким образом, на основании крупных и мелких фрагментов можно реконструировать довольно уверенно социально-возрастную систему. Разумеется, в то время, когда в общественном сознании Гомо сапиенс отложилось естественно сформировавшееся разделение труда (занятий) по физическим возможностям (начиная от того, что может делать человек в детском возрасте, и так далее — до естественной потери трудоспособности), вряд ли имели в виду календарный возраст — скорее визуально определялась возможность выполнять какие-то работы и из «детского фонда»

отбирали способных, из которых и образовывалась возрастная группа для их введения в активную фазу жизни — усиленного исполнения нужных простых дел. Через восемь лет эта группа переходила на следующую возрастную ступень и получала новые обязанности. По достижении 16-ти лет, т.е. по переходе в третью возрастную ступень, женская часть группы получала право (или обязанность?) вступать в брак, но не с мужчинами своей группы (на это был строжайший запрет), а с мужчинами смежной старшей. «Сверстники» этих женщин должны были еще восемь лет обучаться владению охотничьим и военным оружием, после чего они также получали право на брак с женщинами смежной младшей группы и, таким образом, становились полноправными членами своего этноса (точнее — полновозрастными), у женщин это определялось физиологическим сигналом. В браки вступали: женщины — после шестнадцати лет, и мужчины — после 24-х. По сведениям Бахрея, необходимо еще участие в военном походе, который организовывали в связи с достижением группы юношей возраста 24-х лет. Так получались «ступени»: 0–8, 8–16, 16–24, 24–32, 32–40. Последняя социальноактивная ступень, 40–48, формировала новую группу из детей, достигших восьмилетнего возраста. Каждая возрастная ступень имела свои обязанности в общем труде совместно живущей части этноса.

Можно ли эту совместно живущую часть этноса назвать общиной — вопрос особый. Во всяком случае, в ней никакой роли не играло индивидуальное кровное происхождение. Главным было — принадлежать к определенной возрастной группе.

Связь между группами осуществлялась соответствующей терминологией. Члены одной группы называли себя братьями и сестрами. В смежной старшей группе были старшие братья и сестры. В еще более старшей — матери и братья матерей. Далее — отцы и сестры отцов. Затем — старшие родственники. Вот из этой терминологии со временем и произошли термины индивидуального кровного происхождения, т.е. современные системы терминов родства. Если это учитывать, то становится понятно, почему «предпочтительный брак» (у многих народов) — брак мужчины и дочери брата матери: во время полного действия возрастной системы мужчины 24-х лет получали право жениться на женщинах 16-ти лет, т.е. на женщинах из группы дочерей братьев матерей.

Со временем начинает играть некую роль индивидуальное происхождение. Видимо, это является следствием того, что начинает дробиться стадо или посев злаков на участке, где трудятся родственники по происхождению. Из этого дробления выходит и дробление права на часть скота или урожая. Закрепление этих дроблений создает деление на кровнородственные группы, т.е. со временем на «кровные правовые родовые коллективы»: роды. Скорее всего на фоне общегрупповой собственности на

стадо или посев появилась индивидуальная собственность, например, скот, захваченный индивидом в набеге на соседей. Отсюда, желание передать его своему кровному потомку. В таком случае, «возрастная лестница» как бы «переламинается» на два поколения, поскольку члены трех младших групп — это, так или иначе, дети трех старших возрастных групп. Для тех, кто учитывает кровное происхождение, система отношений, совмещающая принцип возраста и индивидуального кровного происхождения, принимает вид двух «триад», т.е. трех старших братьев и трех их потомком. Право распоряжаться частной собственностью длится (по старой традиции) восемь лет и переходит к следующему по возрасту брату, затем — к третьему, а от него — к старшему из триады сыновей, и так далее (в древнерусской традиции старшая триада именовалась «дядьями», а младшая — «племянниками»). Фрагменты «права трех братьев» буквально рассыпаны по хроникальным записям, по фольклору и по эпическим сказаниям. Но специалисты в принципе «трех» видели отражение «магии чисел». Но ведь и сама «магия чисел» не с неба свалилась — она имеет материальную основу в реальной действительности, т.е. в частом повторении числа «три» в социальнозначимых обстоятельствах. Дальнейшее сужение права индивидуальной частной собственности привело к тому, что в правовой системе оказалось только три сына одного отца, а далее к майорату — к наследованию старшим сыном или его старшим сыном (т.е. старшим внуком). Любопытно, что право наследования высокого социального положения и титула тремя братьями сохранилось дольше всего. Например, дядя Ивана Грозного после смерти его отца «целовали крест» трехлетнему наследнику, что не будут претендовать на царский титул. Разумеется, вне династий это право трех наследников исчезло много раньше, т.к. не здесь требовалось поддерживать само право ссылкой на древность его происхождения.

*Передано для публикации В. М. Мисюгиным 11 мая 1998 г.
Мартышкино, Ленинградская область*